

Льюис Кэрролл

АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС

АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Льюис Кэрролл

**Алиса в Стране Чудес.
Алиса в Зазеркалье**

«ЭКСМО»

1864, 1871

Кэрролл Л.

Алиса в Стране Чудес. Алиса в Зазеркалье / Л. Кэрролл —
«Эксмо», 1864, 1871

В книгу включены две самые известные и популярные сказочные повести английского писателя и математика Льюиса Кэрролла: «Алиса в Стране Чудес» и «Алиса в Зазеркалье». Неповторимое своеобразие кэрролловского стиля, необычные ситуации, в которые попадает главная героиня, удивительные превращения, происходящие с ней и забавные герои, с которыми Алиса встречается во время своих путешествий — все это и есть Страна Чудес, край удивительных вопросов и еще более удивительных ответов. Думайте! Фантазируйте! Следите внимательно за мыслями и словами! И вы попадете в Страну Чудес, где привычное становится удивительным.

© Кэрролл Л., 1864, 1871

© Эксмо, 1864, 1871

Содержание

Алиса в Стране чудес	5
Глава 1	10
Глава вторая	16
Глава третья	22
Глава четвёртая	28
Глава пятая	34
Глава шестая	40
Глава седьмая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Льюис Кэрролл Алиса в Стране Чудес. Алиса в Зазеркалье

Алиса в Стране чудес

АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС

По речке, солнцем залитой,
На лёгкой лодке мы скользим.
Мерцает полдень золотой
Дрожащим маревом сквозным.
И, отражённый глубиной,
Застыл холмов зелёный дым.

Речной покой, и тишь, и зной,
И ветерка дыханье,
И берег в тени вырезной
Полны очарованья.

А рядом спутницы со мной —
Три юные создания.

Все трое просят поскорей
Рассказывать им сказку.
Одной – смешней,
другой – страшней,
А третья скорчила гримаску —
Ей нужно сказку постранней.
Какую выбрать краску?

И начинается рассказ,

Где ждут нас превращения.
Не обойдётся без прикрас
Рассказ мой, без сомненья.
Страна Чудес встречает нас,
Страна Воображенья.

Живут там чудо-существа,
Картонные солдаты.
Сама собою голова
Летает там куда-то,
И кувыркаются слова,
Как в цирке акробаты.

Но сказка близится к концу,
И солнце движется к закату,
И тень скользнула по лицу
Бесшумно и крылато,
И бликов солнечных пылью
Дробят речные перекаты.

Алиса, милая Алиса,
Запомни этот светлый день.
Как театральная кулиса,
С годами он уходит в тень,
Но он всегда нам будет близок,
Ведя нас в сказочную сень.

Глава 1

Кувыркком за кроликом

Алиса скучала, сидя на берегу реки безо всякого дела. А тут ещё и сестра уткнулась в скучную книжку. «Ну и скучота эти книжки без картинок! – лениво думала Алиса. От жары мысли путались, веки слипались. – Сплести, что ли, веночек? Но для этого надо подняться. Пойти. Нарвать. Одуванчиков».

Вдруг!.. У неё перед глазами! (Или в глазах?) Промелькнул белый кролик. С розовыми глазками.

Ну и пусть... Сонная Алиса ничуть не удивилась. Она не шевельнулась даже тогда, когда услышала голос кролика:

– Ай-я-яй! Припоздал!

Потом-то Алиса удивлялась, как это она не удивилась, но ведь удивительный день ещё только начинался, и нет ничего удивительного, что Алиса ещё не начала удивляться.

Но тут Кролик – это же надо! – вынул из жилетного карманчика карманные часы. Алиса насторожилась. А когда Кролик, взглянув на жилетные карманные часы, припустил вовсю через поляну, Алиса сорвалась с места и махнула за ним.

Кролик юркнул в круглую кроличью нору под кустами. Алиса, не задумываясь, нырнула следом.

Поначалу кроличья нора шла прямо, как тоннель. И вдруг круто оборвалась! Алиса, не успев ахнуть, ухнула вниз, в колодец. Да ещё вниз головой!

То ли колодец был бесконечно глубоким, то ли Алиса падала слишком медленно. Но она наконец начала удивляться, и самое удивительное, что она успевала не только удивиться, но ещё и оглядеться. Первым делом она поглядела вниз, пытаясь разглядеть, что там её ждет, но слишком уж темно, чтобы разглядеть что-нибудь. Тогда Алиса стала глазеть по сторонам, вернее, по стенкам колодца. И заметила, что все они увешаны посудными и книжными полками, картами и картинками.

С одной полки Алиса ухитрилась на лету ухватить большую банку. Называлась банка «АПЕЛЬСИНОВОЕ ВАРЕНЬЕ». Но варенья-то в ней и не было. С досады Алиса чуть было не швырнула банку вниз. Но вовремя спохватилась: так и прихлопнуть можно кого-нибудь там, внизу. И она исхитрилась, пролетая мимо очередной полки, ткнуть на неё пустую банку.

– Вот наловчилась так наловчилась! – обрадовалась Алиса. – Приведись мне теперь ска- титься с лестницы или ещё того лучше – грохнуться с крыши, уж я не задержусь!

По правде говоря, мудрено задержаться, когда уже падаешь.

Так она падала,

и падала,

и падала...

И долго так будет продолжаться?

– Хотела бы я знать, докуда долетела. В какой я точке? Неужто в самом центре Земли? Сколько до него? Каких-нибудь сколько-то тысяч километров. По-моему, в самую точку. Теперь только определить эту точку, на какой она широте и долготе.

По правде сказать, Алиса понятия не имела, что такое ШИРОТА, а тем более ДОЛГОТА. Но то, что кроличья нора достаточно широкая, а путь у неё долгий, она поняла.

И она полетела дальше. Сначала без всяких мыслей, а потом подумала: «Вот будет штука, если я пролечу всю Землю насквозь! Забавно будет встретиться с людьми, которые живут под нами. Они, наверное, так и называются – АНТИ-ПОД-НАМИ».

Впрочем, в этом Алиса не совсем была уверена и потому вслух такого странного слова не произнесла, а продолжала думать про себя: «А как же называется тогда страна, где они живут? Придётся спросить? Простите, уважаемая антиподнам... нет, антимадам, куда я попала? В Австралию или Новую Зеландию?»

И Алиса попыталась вежливо раскланяться, приседая. Попробуйте присесть на лету, и вы поймёте, что у неё получилось.

«Нет, пожалуй, спрашивать не стоит, – продолжала думать Алиса, – ещё, чего доброго, обидятся. Лучше я сама догадаюсь. По вывескам».

И она продолжала падать,

и падать,

и падать...

И ей ничего не оставалось делать, как думать,

и думать,

и думать.

«Дина, кошечка моя, представляю, как ты по мне соскучишься к вечеру. Кто тебе нальет молочка в блюдечко? Моя единственная Дина! Как мне тебя здесь не хватает. Мы бы летели вместе. А как бы она ловила на лету мышей? Здесь наверняка водятся летучие мыши. Летящая кошка вполне могла бы ловить и летучих мышей. Какая ей разница? Или кошки смотрят на это по-другому?»

Алиса так долго летела, что её уже укачало и начало клонить ко сну. И уже в полудреме она бормотала: «Мыши летучие. Мыши ли, тучи ли...» И сама себя спрашивала: «Летят ли тучи кошек? Едят ли кошки тучек?»

Какая разница, что спрашивать, если спрашивать некого?

Она летела и засыпала,

засыпала,

засыпала...

И уже видела сон, будто идёт она с кошкой под мышкой. Или с мышкой под кошкой? И разговаривает: «Скажи-ка мне, Дина, ты едала когда-нибудь мышучих летей?...»

Как вдруг – трах-тарарах! – Алиса зарылась с головой в сухие листья и хворост. Прилетела! Но она ничуть не ушиблась. В мгновение ока вскочила и стала вглядываться в непроглядную тьму. Прямо перед ней начинался длинный тоннель. И там вдали мелькал Белый Кролик!

В ту же секунду Алиса сорвалась с места и понеслась, словно ветер, следом. Кролик пропал за поворотом, и уже оттуда до неё донеслось:

– Ой, опаздываю! Голову мне оторвут! Эх, пропадай моя головушка!

Алиса прибавила ходу, но за поворотом Кролика уже не было. И тут Алиса наконец-то огляделась: она оказалась в длинном низком зале. С потолка рядами свисали лампы.

Повсюду, куда ни глянь, были двери. Но когда Алиса подёргала одну, другую, третью, оказалось, что все они заперты. Она растерянно стояла посреди зала, не понимая, как же ей выбраться из этой ловушки.

И вдруг, откуда ни возьмись, – столик! Маленький стеклянный столик на трёх ножках, а на нём крошечный золотой ключик. Алиса схватила его и тут же попробовала отомкнуть одну из дверей. Но то ли замок был велик, то ли ключик мал, но дверь не поддавалась.

Алиса пошла от двери к двери, вставляя крохотный ключик в громадные замочные скважины. Всё без толку. И тут она заметила какую-то шторку. Алиса отогнула её и обнаружила махонькую, ниже колена, дверцу. Она приладила к ней золотой ключик, и – ура! – дверца распахнулась.

А за ней Алиса увидела узкий ход, в который разве мышка протиснется. Ход этот открывался в чудесный сад. Алиса присела на корточки и долго рассматривала сад – как же ей хотелось выбраться из низкого мрачного зала и очутиться в том необыкновенном саду среди цветов и фонтанов! «Но если бы даже моя голова прошла, то я-то уж наверняка не пройду! – сокрушённо думала Алиса. – А что там делать голове без меня? Вот как нескладно всё получается. Жалко, что я не умею складываться. Знать бы, как это делается, я, не задумываясь, превратилась бы хоть в подзорную трубу».

С Алисой уже приключилось столько странностей, что она не удивилась бы и этой.

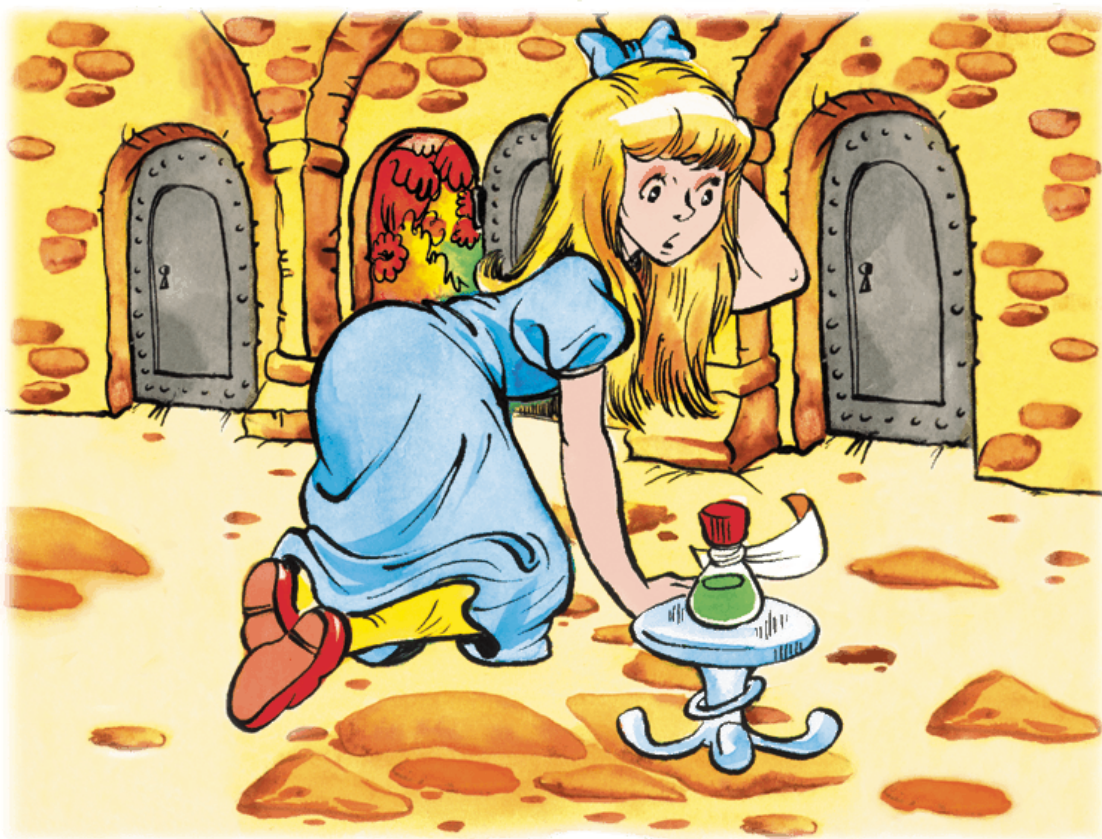
Но что толку без толку сидеть перед дверцей, в которую не пролезешь? И Алиса побрела к стеклянному столику. Вдруг на нем ещё что-нибудь найдется? Ключик от другой двери или учебник по складыванию. Но обнаружила она флакончик.

«Ручаюсь, его раньше тут не было!» – подумала Алиса.

К флакончику был приклеен аптечный ярлычок, а на нём два слова крупными буквами: «ВЫПЕЙ МЕНЯ!»

Выпить-то не штука, а что потом?

«Нет уж, – подумала Алиса, – сначала посмотрим, не написано ли где-нибудь тут слово «ЯД»?»

Недаром она наслышалась разных захватывающих историй про то, как нельзя делать того, что нельзя. Стоило детям забыть это важное правило, как они тут же попадали в лапы диким зверям или, того хуже, поджаривались в жутком пламени пожара. А если они не слушали старших и играли с раскаленной кочергой или острым ножом, то непременно обжигались или истекали кровью. Но самое ужасное приключалось с теми, кто пытался отхлебнуть из флакончика с надписью «ЯД». Такое ещё никого и ни к чему хорошему не приводило. Это Алиса знала наверняка.

К счастью, на этом флакончике страшной надписи не было. И Алиса – будь что будет! – лизнула. Ей показалось, что она отведала разом всякой всячины – вишнёвого пирога, ананаса, жареной индейки, сливочных помадок и поджаренных в масле хлебцев. Тут уж она не удержалась и выпила всё!

– Что за чудеса! – воскликнула Алиса. – Я складываюсь, будто превратилась в складную подзорную трубу!

И верно, Алиса стала сама себе по колено – как раз такой, чтобы легко пройти в дверцу, а там – в прекрасный сад. Но сначала она подождала – а вдруг уменьшение не кончилось? Это было бы совсем некстати.

«Если я ещё буду уменьшаться, то недолго стать величиной со свечку, – испугалась Алиса, – а потом и вовсе истаять. Интересно бы поглядеть на то, что от меня останется, когда меня не останется?» – размышляла она.

И она попыталась представить себе пламя свечки, которой уже нет. Но такого ей пока ещё ни разу видеть не приходилось.

На всякий случай Алиса подождала немного, но ничего больше (или меньше?) с ней не произошло. Она уже было собиралась пойти в желанный сад, как вдруг – ах, растяпа! – обнаружила, что золотой ключик позабыла на столе. Пришлось вернуться. Но тут оказалось, что Алисе теперь до верха стола никак не дотянуться. А ключик – вот он, поблескивает сквозь

стекло над самой головой. Сгоряча Алиса попыталась добраться до ключа по стеклянной ножке стола. Но она была такая стеклянная и такая скользкая, что все попытки Алисы кончились ничем. С отчаяния несчастная крохотная маленькая девочка села на пол и заплакала. Она плакала и при этом строго говорила себе:

– Довольно! Слезами горю не поможешь. Советую прекратить сию же минуту! Кому я сказала?

Себе Алиса давала иногда неплохие советы. Жаль, что не всегда к ним прислушивалась. Однажды непослушанием самой себе она сама себя довела до слёз. А в другой раз, когда она себя поймала на жульничестве в игре, она даже попыталась выдрать себя за уши.

Эта странная девочка просто обожала сама себя раздваивать, становиться двумя девочками одновременно.

«Но только не сейчас, – подумала Алиса. – Меня, такой маленькой, и для одной нормальной девочки маловато».

Вдруг она увидела тут же под столом какую-то стеклянную шкатулку. В шкатулке оказался крохотный пирожок, на котором чёрными и красными ягодками было выложено: «СЪЕШЬ МЕНЯ».

– Была не была! Съем! – решила Алиса. – Увеличусь – достану ключик. Уменьшусь – проползу в щелку под дверцей. А в сад всё равно попаду.

Она откусила от пирожка самую малость и поскорей приставила ладонь к макушке, чтобы сразу почувствовать: увеличилась? уменьшилась?

Вот странность! Она не изменилась! В обычной жизни Алиса, съев пирожок, и не ждала никаких превращений. Но здесь, среди необычностей, всё обычное Алисе казалось таким глупым и таким скучным.

Ничего теперь не ожидая от пирожка, она равнодушно доела его.

Глава вторая

Наплаканное море

– Ой, заначиналось! Опять заначиналось! – воскликнула Алиса. От неожиданности она даже забыла все правильные слова. – Я раздвигаюсь, будто и вправду превратилась в подзорную трубу! А где мои ноги?

Она увидела, как стремительно удалялась от собственных ступней. Вот-вот они скроются из виду.

– Прощайте, – крикнула она им. – Бедные мои ножки. Я до вас теперь не достану. Кто же вас будет одевать и обувать? Мне-то уж не удастся. Ничего, ничего, сами помучаетесь. – И тут Алиса прикусила язычок: – Ножки-то всё-таки мои, не стоит их сердить. А то не туда заведут. – И она ласково прокричала: – Эй, ножки! Я вам на Новый год туфельки подарю! – Алисе так понравилась эта идея, что она стала фантазировать: – Приходит почтальон и приносит моим собственным ногам от меня посылку. Ну, чу-деса! А на посылке адрес:

«Где-то в районе Пола,
в области Коврика,
два шага влево.
Сестрице Правой ноге лично
с низким поклоном
от Алисы».
Ерунда какая-то!

И как раз в это мгновение её голова врезалась в потолок. Ну и выросла! Чуть ли не три метра.

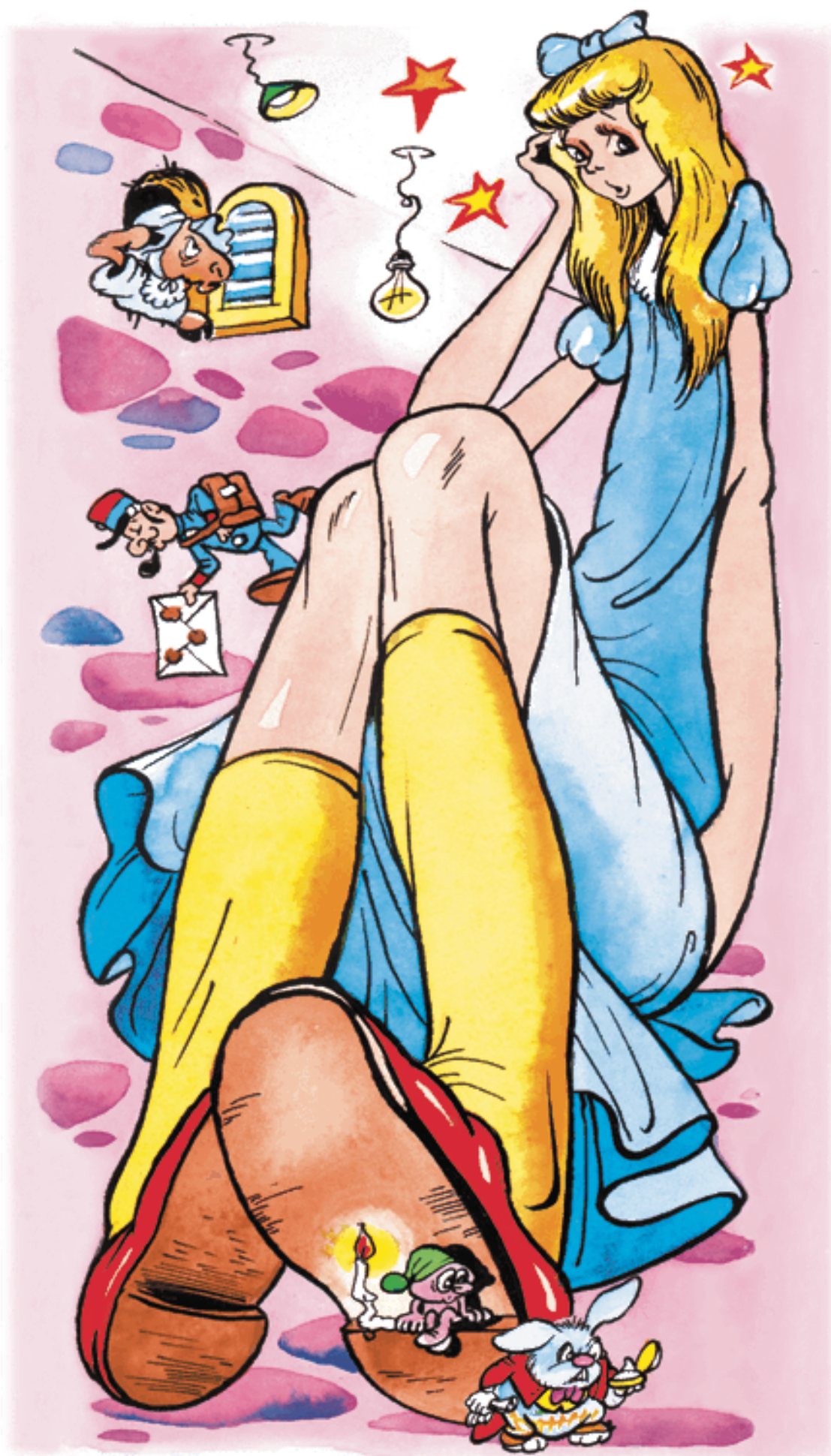
Алиса схватила со стола золотой ключик и нагнулась к дверце, ведущей в сад.

Несчастная! Всё, что ей оставалось, это лечь на пол и глянуть сквозь ладошечную дверцу одним глазком. И Алиса горько заплакала.

– Сама себя постыдилась бы! – попыталась она себя урезонить. – Вон какая большая вымахала, а ревёшь в три ручья!

Но слезам хоть бы что – они лились и лились. Вот уже наплакалась целая лужа. А ей всё плакалось и плакалось. И лужа растекалась и растекалась по залу.

Неожиданно издали прилетел дробный топоток. Кто это? Алиса, чтобы лучше видеть, протёрла заплаканные глаза. Оказалось, это снова Белый Кролик. Он расфрантился. В одной лапке он зажал лайковые перчатки, а в другой – громадный веер.

Кролик, вероятно, ужасно опаздывал, потому что на ходу приговаривал:

– Ах, если я не приду вовремя, то уж Герцогиня наверняка придет в ярость. Придется поторопиться.

Алиса находилась в таком отчаянном положении, что готова была звать на помощь кого угодно. Даже Кролика. И когда тот был уже недалеко, она громко окликнула его:

– Эй!

Кролик подпрыгнул, шарахнулся в сторону и умчался в темноту, роняя перчатки и веер. Алиса подобрала всё это и тут же стала обмахиваться веером – щеки у неё пылали.

– Ну и денек выдался, – вздохнула она. – Вчера был день как день. А сегодня происходит такое!.. Я прямо сама не своя. А может быть, это вовсе не я? За ночь меня поменяли? На кого, хотела бы я знать?

И Алиса стала прикидывать, кто из подружек мог бы оказаться на её месте.

– Надеюсь, я не Ада. Она вся в кудряшках, а у меня волосы гладкие. И уж тем более я бы не хотела быть Мейбл. Я столько знаю всего обо всём, а она – ничего и ни о чём. Да о чём тут говорить! Она – это она, а я – это всё-таки я... Ой, сама себя собой запутала! Смогу ли я выпутаться из этой путаницы? Проверим. Должна же я знать хотя бы то, что я знать должна. Четырежды пять – двенадцать, четырежды шесть – тринадцать, четырежды семь... Так я не знаю, до чего дойду, но уж до двадцати дело не дойдёт. Таблица умножения что-то не умно-

жается. А как у меня с географией? Лондон – столица Парижа, а Париж чья столица? Рима! А Рим? Опять не туда заехала. Неужто я и впрямь превратилась в Мейбл? Проверю ещё раз. Прочту какой-нибудь стишок:

В лесу родилась тёлочка,
Вовсю она росла.
Сама всё лето знойное
Она себя пасла.

Денёк осенний серенький
За летом прискакал,
И тёлочку под ёлочку
Он дождиком загнал.

Слова на что-то похожи, и стишок на что-то похож! Неужто я действительно Мейбл? – прошептала Алиса, и слёзы снова покатались из её глаз. – А если так, то и жить придётся теперь не у себя дома, а в их скучном скверном домишке. И моих игрушек у меня больше не будет. А будут только уроки, уроки, уроки. Нет уж, если я теперь эта дурочка Мейбл, то ни к чему возвращаться домой. Лучше навеки остаться здесь. Пусть хоть умоляют вернуться. Прежде чем я выясню, кто я теперь, с места не сдвинусь. Вот если я та, кем я хочу быть, тогда пожалуйста, а если я не та, которая та, то... Ой, милые, не хочу я здесь больше! Возьмите меня отсюда! Я тут совсем одна! – И Алиса залилась слезами. Она поднесла руку к глазам и вдруг заметила, что незаметно для себя натянула на руку крохотную перчатку Кролика. – Как это я ухитрилась? – удивилась Алиса. – Неужели я снова меньшею?

Она вскочила, подбежала к столику, чтобы примерить к нему свой рост. Ого! Она уже была величиной со столик и становилась всё меньше и меньше. Да так быстро! Тут она сообразила, что виной всему веер, и отшвырнула его.

И вовремя!

– Ещё чуть-чуть, и от меня бы ни чуточки не осталось! – обрадованно воскликнула Алиса. Всё-таки она здорово испугалась! – А теперь в сад! Скорей в сад!

И она бросилась к дверце. Но дверца-то была по-прежнему заперта! А золотой ключик лежал себе полеживал на стеклянном столике.

– Этого ещё не хватало! – воскликнула теперь уже огорченная Алиса. – И какой крошкой я стала. Ещё немного, и...

И... и Алиса не успела договорить. Она поскользнулась и плюхнулась в воду. Солёной-пресолёной оказалась эта вода.

– Море! – догадалась Алиса и опять обрадовалась. От моря проще простого добраться до дома на поезде.

Она как-то ездила к морю и запомнила цветные кабинки для переодевания, малышей, копающихся в песке, домики и, самое главное, вокзал и железную дорогу.

Но Алиса быстро сообразила, что это никакое не море: она упала в собственные слезы – в море слез, которое она наплакала совсем недавно, когда была ростом до потолка.

«Доплакалась, – подумала Алиса, – не хватало мне ещё захлебнуться собственными слезами! – И тут уж она по-настоящему испугалась: – Нет, нет, такого ещё не бывало! А всё, что происходит, разве бывало когда-нибудь?»

Алиса попыталась доплыть до берега и тут услышала плеск и бульканье. Кто-то тоже свалился в воду. Да так громко, что она в испуге представила себе бегемота или моржа. Но сообразила, что такую маленькую, как она теперь стала, никакой бегемот не заметит, и смело поплыла на плеск. Она увидела барахтающуюся в воде мышь.

«Позвать её на помощь? – подумала Алиса. – Если я плаваю в собственных слезах, то почему бы мышке не понимать по-человечески? Но только как её позвать повежливее?»

Алиса судорожно стала вспоминать что-нибудь и наконец вспомнила то, что нужно, – подходящую страницу из учебника. Там как раз было написано, как разговаривать с мышами. Алиса быстро перебрала в голове вопросы: КТО? КОГО? КОМУ? МЫШКА. МЫШКИ. МЫШКЕ... О, МЫШЬ! – вспомнила она подходящее обращение.

Так она и крикнула:

– О, мышь! Не подскажите ли, как мне выплыть на берег? Мне не по вкусу эти солёные слёзы. О, мышь!

Мышь только мельком взглянула на неё и вроде бы даже подмигнула, но промолчала.

«Может, она всё-таки по-человечески не понимает? – встревожилась Алиса. – А может быть, она просто иностранная мышь?»

И она стала припоминать что-нибудь иностранное о мышах. И вспомнила первую фразу из учебника французского языка: «У э ма шат?»

По правде говоря, это означало: где моя кошка? Но уж очень похоже было на что-то про мышат.

И потому Алиса смело сказала вслух:

– Ou est ma chatte?

Мышь в страхе метнулась в сторону.

– Ах, простите! – спохватилась Алиса, догадавшись, что мыши не по душе разговор о кошках. – Я забыла, что вам не нравятся кошки!

– Не нравятся! – пропищала мышь. – А тебе бы на моём месте они понравились?

– Боюсь, что нет, – растерялась Алиса.

– И я боюсь! – перебила её мышь.

– Но зачем же вы сердитесь? – примирительно сказала Алиса. – Знали бы вы мою кошечку Дину. Уж она-то вам непременно понравилась бы. Она такая ласковая, так славно мурлычет и так забавно умывается лапкой. А уж мышей ловит!.. Ой, что я? Не сердитесь! – воскликнула Алиса, заметив, как мышь оскалила зубки. – Давайте больше ни слова о кошках.

– Давайте? – возмутилась мышь. – Да я и слова-то этого не произносила. В нашем семействе за такие слова знаете что бывает? Гадкие, противные, мерзкие, отвратительные существа – вот каких слов они достойны!

– Хорошо, хорошо, успокойтесь, – поспешно согласилась Алиса, желая переменить тему разговора, – давайте поговорим о... о собачках! – Мышь промолчала. И Алиса решила, что эта тема как раз самая подходящая. – У наших соседей есть такой очаровательный песик! – восторженно тараторила Алиса. – Вы бы только на него посмотрели. Маленький такой, глазки блестят, шёрстка вьётся, а сам терьерчик коричневый, ученый, палку приносит, и косточку ест, и служит, и ещё много всяких штук знает, я уж теперь не упомню. Его хозяин души в нем не чает и ни за что ни за какие деньги не расстанется. Ещё бы, терьерчик даже крыс умеет ловить... Ой, я опять что-то не то сказала!

А мышь уже, рассекая мордочкой воду, быстро-быстро уплывала от неё.

– Мышечка! Вернись! – закричала Алиса. – Милая, больше я ни слова о ко... о мяв-мяв и гав-гав!

Мышь повернула и опасливо поплыла назад. Носик её побелел то ли от страха, то ли от возмущения.

– Плыви за мной, – дрожащим голосом пропищала мышь. – На берегу я расскажу тебе мою историю. И ты поймёшь, почему мне не нравятся ни те, ни другие.

Действительно, плавать больше не было никакой возможности – в воду попадало столько разных птиц, что и рукой не взмахнёшь. Здесь барахтались странные существа: Уткогусь, Древний Дронт, Орланчик, Лори-попугай.

Все они цепочкой потянулись за Алисой к берегу.

Глава третья

История с бестолкотнёй и с хвостиком

Ну и компания собралась на берегу! Все жалкие, как мокрые курицы. Перья слиплись, клювы перепачканы. Вода лила с них ручьями. Холодно, мокро и неудобно было всем.

Все наперебой стали обсуждать, как бы им обсушиться. Слово за слово, и уж Алиса освоилась и чувствовала себя среди них как своя. Будто всю жизнь только и делала, что болтала с разными птицами и зверьками. Она даже ввязалась в спор с Лори-попугаем. Но тот встопорщил перья, сердито распушил хохолок и заладил:

– Я старше, значит, умнее! Я умнее, значит, старше!

Алиса попыталась выяснить, сколько же ему лет, но Лори повторял свое:

– Я старше! Я старше! Я старше!

И ничего больше из него вытянуть было нельзя. Тут мышь, как видно, самая уважаемая среди них, пискнула:

– Все слушайте меня! Я вас мигом высушу!

Все тут же успокоились и расселись вокруг мыши. Алиса смотрела на мышь просто с нетерпением, потому что ещё немного – и простуда обеспечена.

– Кху! – солидно прокашлялась мышь. – Готовы? Сейчас вы у меня не только высохнете, но и засохнете. – Она раскрыла какую-то книгу и начала читать: – «Вильгельм Замалеватель с разрешения папы замалевал Англию, которая желала крепких вожжей после непрерывных разборов и замалеваний. Эдвин граф Мерси и Моркар граф На Тумбе и...»

Лори-попугая так и передёрнуло.

– Фу! – фыркнул он.

Мышь строго посмотрела на него и сухо спросила:

– Вы что-то хотели сказать?

– Нет-нет, – смешался Лори-попугай.

– Выходит, мне послышалось? – пискнула мышь. – Итак, продолжаем: «...граф На Тумбе и даже Стиганд, архиепископ Кентер-бер... бер... Неразберийский поддержали Вильгельма Замалевателя, находя это весьма».

– Весь... что? – переспросил Уткогусь.

– Находя весь Ма. Целиком. Неужели непонятно, что они находят весь? Весь Ма, – недовольно пояснила мышь.

– Если он весь, то почему его так ма? Когда мне попадается червяк, то он весь. А если он только чер, то он не весь, его просто ма, то есть мало, – недоумённо пробормотал Уткогусь.

Мышь пропустила мимо ушей его слова и продолжала:

– «Находя весь Ма подходящим. И они отправились вместе с Этим Лингом Эдгаром к Вильгельму Замалевателю, чтобы предложить ему корову. Вильгельм Замалеватель вначале вел себя сносно и нормально. Но несносные его нормальны...» Ну как, малышка, – перебила сама себя мышь, – суше?

– Суше некуда, но это меня не берёт, – ответила дрожащая Алиса.

– Ввиду всего вышесказанного, – вмешался Древний Дронт, – вношу на рассмотрение всего собрания предложение о дальнейших мерах...

– Что за бели-бер-бер-да? – возмутился Орланчик. – Я и половины не понял. Бьюсь об заклад, что и все остальные тоже.

И Орланчик ехидно ухмыльнулся. А все остальные захихикали.

– Я хотел предложить не Белиберду, а Бестолкотню, – сказал обиженный Древний Дронт. – Это лучший способ просохнуть.

– А что это такое? – спросила Алиса.

Ей было сейчас не до вопросов, но уж очень расстроился Древний Дронт, что никто не удивляется и не спрашивает его.

– Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать! – оживился Древний Дронт. – Сейчас всё сделаем!

Если вам вдруг захочется как-нибудь зимой поиграть в Бестолкотню, то приглядитесь повнимательней к тому, что делал Древний Дронт. Сначала он начертил круг. Не совсем, правда, правильный.

– Чем неправильнее, тем правильнее, – пояснил он.

Потом расставил всех аккуратно как попало, где придется по неправильному кругу. И тут все без команды, как по команде, вдруг стали толкаться, бестолково бегать туда-сюда, устроили такую бестолковую толкотню, что получилась полная неразбериха, а вернее, Бестолкотня.

Все так разгорячились, что через каких-то полчаса высохли до нитки. И Древний Дронт тогда крикнул:

– Конец Бестолкотне!

Запыхавшиеся, они окружили Древнего Дронта и наперебой стали кричать:

– Кто победитель? Кто победитель?

На такой вопрос так сразу и не ответишь. Даже Древний Дронт задумался. Он упёр кончик пера в лоб, будто знаменитый писатель Шекспир, и постоял так в неподвижности немного. Все тоже застыли в ожидании. Потом Древний Дронт провозгласил:

– Победители все! И каждому полагается награда!

– А кто будет награждать? – вскричали все победители разом.

Древний Дронт отнял перо ото лба и показал им на Алису:

– Она. Кому же ещё?

И все приступили к ней, выкрикивая:

– Давай! Награждай!

Алиса растерялась. Она пошарила по карманам и обнаружила неожиданно коробочку леденцов. К счастью, в слезах они, вероятно, не размокают. Леденцов хватило всем-всем тютелька в тютельку. Кроме самой Алисы.

– Но ей тоже полагается! – заметила справедливая мышь.

– Само собой, – уверенно сказал Древний Дронт и обратился к Алисе: – Пошарь-ка в кармане. Что ещё там найдется?

– Ничего, – грустно сказала Алиса. – Вот разве наперсток.

– То, что нужно! – воскликнул Древний Дронт. – Давай его сюда. – Все окружили Алису, а Древний Дронт торжественно провозгласил, вручая Алисе её собственный наперсток: – Мы все просим Вас принять от нас эту скромную, но заслуженную награду – этот скромный, но заслуженный наперсток. – И он с достоинством помолчал, а все, кто мог, захлопали крыльями.

Всё это было так забавно, что Алиса чуть не прыснула со смеху, но сдержалась, чтобы не обижать остальных: они были так серьёзны и торжественны. И она так же серьёзно и торжественно поклонилась и приняла наперсток от Древнего Дронта без улыбки.

Наконец дело дошло до леденцов. Все стали поспешно их глотать. Но большие птицы даже не успели распробовать, а маленькие тут же поперхнулись. Пришлось похлопать их по спинкам.

В конце концов все благополучно полакомились и окружили мышь, требуя какого-нибудь развлекательного рассказа.

– Вы же обещали рассказать, почему вам не нравятся Мьяв и Гав, – напомнила Алиса. Последние два слова она произнесла осторожно, чтобы ненароком снова не обидеть мышь.

– Эта история длинная и простая. Как хвост, – сказала мышь.

«История – как хвост?» – удивилась про себя Алиса.

Но мышь уже начала, и перебивать её вопросами Алиса не решилась. Она лишь смотрела на мышиный хвост и представляла себе такую же длинную, как хвост, историю. Витиеватый рассказ мыши вился в воображении Алисы хвостом.

Тише, мыши,
ТОТ на крыше.
Шёпот,
шорох
ТОТ
услышит.
Тише, мыши,
это ТОТ,
кто таится тут
и ждёт.
ТОТ мурлычет,
лапу лижет:
– Я не тот,
не бойтесь,
мышь.
Я на крышу
шишел-вышел
помяукать,
помечтать.
– Тать?
Воришка!
Как не знать?
Не найти
на свете
мышки,
чтобы
верила
воришке!
И, махнув
хвостом:
– Шалишь! —
Убежала
мышка,

мышь...

– Куда убежала? – спросила Алиса. – В камыш?

– Что за чушь! Камыш на крыше! – возмущённо пропищала мышь. – Слушать надо внимательно!

– Я слушаю. Я очень внимательна, – робко возразила Алиса, – я даже считаю извороты, то есть повороты, вашей истории. Вы остановились, по-моему, на пятом или шестом.

– Ну вот, – проворчала мышь, – перебила.

– Простите, но я ничего не перебила, – смутилась Алиса. – Я вообще никогда не бью ни чашек, ни тарелок...

– Ты назло мне болтаешь всякий вздор! – пискнула мышь, повернулась и ринулась прочь.

– Что я такого сказала? – растерялась Алиса. – Какая же вы обидчивая!

Мышь, не оглядываясь, что-то пробормотала.

– Пожалуйста, вернитесь! – воскликнула Алиса.

И все остальные тоже закричали:

– Умоляем, вернитесь!

Но мышь только хвостиком махнула и даже не оглянулась.

– Жаль, жаль, что она не осталась, – сокрушался Лори-попугай.

А старая Рачиха проскрипела:

– Видишь, дочь моя, никогда не надо лезть вперёд!

– Ах, матушка, помолчали бы! Уж вы-то никогда вперёд не полезете! – огрызнулась дочка. – От ваших поучений и Устрица из скорлупы выскочит.

– Жаль, Дины нет, – рассуждала сама с собой Алиса. – Уж от неё-то мышь не ушла бы!

– Позвольте узнать: а кто такая эта ваша знакомая Дина? – поинтересовался Лори-попугай.

Алисе только бы повод, а уж она готова без умолку говорить о своей любимице.

– Дина? Так это же моя кошечка! – заторопилась Алиса. – Вы бы посмотрели, как она мышей ловит! Да что мышей – даже птиц. Прыг – и птичка в коготках.

Птицы по достоинству оценили неоценимые достоинства Дины. Многие из них мигом снялись с места. Другие заторопились. Старая Сорока, зябко кутаясь в пуховую шаль, прострекотала:

– Пора, пора. От этой сырости я уже и голос потеряла.

Молодая Канарейка всполошилась.

– Дети, дети, домой, – запела она дрожащим голосом, – спать, спать в гнёздышко, повыше на ветку.

В мгновение ока вокруг Алисы никого не осталось.

– Глупая. Зачем я им рассказывала про Дину? – сокрушалась Алиса. – Это же ясно, что она никому здесь не нравится, моя милая, моя лучшая на свете кошечка!

И Алиса снова расплакалась, так ей стало обидно. Вдруг она услышала drobный мелкий топоток.

«Уж не мышь ли это решила вернуться? – с надеждой подумала Алиса. – И я всё-таки услышу, чем кончилась её история?»

Глава четвёртая Битый Билл

Оказалось, что это Белый Кролик. Он возвращался, шаря глазами по сторонам, будто что-то искал. Алиса услышала, как он приговаривал:

– Герцогиня! Ох, Герцогиня! Пропадай моя головушка! Не сносить мне головы. И где я их потерял? Совсем голову потерял!

Алиса сразу догадалась, что ищет бедный Белый Кролик. И по доброте душевной она тут же захотела ему помочь. Она огляделась в поисках перчаток и веера, но, к удивлению своему, обнаружила, что не только перчаток и веера, но вообще ничего прежнего не существует! Нет ни стеклянного столика, ни моря слёз, ни крохотной дверцы, ни самого зала. Алиса растерялась. И тут Кролик заметил её:

– Эй, милочка! А ты почему здесь околачиваешься? Быстро, милочка, домой за веером и перчатками. Одна нога здесь, другая – там!

Алиса хотела объяснить, что зовут её вовсе не Милочка, но неожиданно для себя бросилась исполнять приказание Кролика.

«Верно, он меня принял за служанку, – думала она на бегу. – Представляю его смущение, когда он узнает, кто я на самом деле. Но где же мне искать эти перчатки и веер?..»

Не успела она закончить свою мысль, как перед ней возник игрушечный домик с табличкой на двери:

«Б. КРОЛИК».

Не постучавшись и бесшумно отворив дверь, чтобы не столкнуться с настоящей Милочкой – или как бы её там ни называли, – Алиса взбежала по лестнице наверх.

«А ведь я в услужении у Кролика! – сообразила Алиса. – Если дело так пойдёт дальше, то и Дина скоро станет мной помыкать».

И тут же на бегу она стала представлять себе, как это будет происходить.

«Алиса! Одевайся, пора гулять!» – скажет няня.

«Ой, нянечка, мне никак нельзя. Дина приставила меня к норке. Она скоро вернётся и заругается, если я не усторожу мышку!»

– А кончится всё тем, – перебила себя Алиса, – что Дину выставят из дома.

Тут оказалось, что она уже стоит посреди чисто прибранной комнаты. На столе у окна лежали веер и несколько пар перчаток. Почему-то Алиса не сомневалась, что именно здесь они и должны лежать. Она схватила пару перчаток и веер и уже собиралась нестись обратно, как вдруг заметила на полочке под зеркалом какой-то флакончик. На этот раз на нём ничего не было написано, но Алиса, ни секунды не задумываясь, поднесла его ко рту.

«Уж что-нибудь интересенькое да случится, – подумала она, – здесь с едой и питьём происходят всякие забавные вещи. Вот будет здорово, если этот флакончик меня вырастит. Побыла крошкой – и хватит!»

И тут её действительно как хватит что-то по голове! Потолок! Алиса не успела и половины флакончика осушить, а уж вымахала до потолка. При такой скорости и шею недолго свернуть. И она в испуге отшвырнула флакончик.

– Достаточно! – крикнула Алиса. – Мне уже достаточно! Я и так уже в дверь не протиснусь. Зачем я всё выпила? Надо было мне остановиться.

Но остановиться она не могла – всё росла,
и росла,
и росла...

Комнаты ей уже не хватало. Пришлось сначала стать на коленки, а потом и вовсе скрючиться на полу. Ужасно мешали руки. Одну она согнула в локте, а другую сунула под голову. И это не помогло. Тогда Алиса высунула руку в окно. Но тут оказались лишними ноги. Правая сама собой въехала в камин.

– Всё, – сказала себе Алиса. – Дальше ехать некуда. Вот не повезло!

На её счастье, действие волшебного питья вдруг прекратилось. И бесконечное вырастание прекратилось тоже. Но удобнее от этого не стало. И никакой надежды выбраться из этой теснотищи. Алисе стало не по себе.

– Как хорошо было дома, – горевала бедная Алиса, – там не приходилось расти туда-сюда и места было достаточно, а кролики и мыши знали своё место. Нужно же было мне сунуться в кроличью нору! И всё же, и всё же... В этом что-то есть. Я думала, что такое случается только в сказках. И вот, пожалуйста, такое случилось со мной! Можно считать, что я угодила в самую середину сказки. Хоть книжку обо мне пиши. Да я и сама её напишу, когда вырасту... Ой, а ведь я уже выросла! – Она оглядела комнату и добавила печально: – И дальше расти некуда!

«Но если я уже выросла и всё равно остаюсь маленькой девочкой, то я никогда, выходит, не состарюсь, – продолжала думать Алиса. – И придётся мне всю жизнь учить уроки. Нет, это мне не подходит!»

– Ну и глупа же ты, моя милая! – отругала она сама себя. – Тебе и самой-то здесь некуда деться, а где же ты разложишь учебники?

Так она довольно складно рассуждала сама с собой и, само собой, была сама собой вполне довольна, как вдруг снаружи послышался чей-то голос. Алиса притихла.

– Эй, милочка! – кричал кто-то. – Долго мне дожидаться перчаток?

И тут же на лестнице послышался дробный топоток. Алиса сообразила, что это Кролик. И он ищет именно её. Она так задрожала, что домик зашатался. С испугу она и не вспомнила, что во много раз переросла Кролика и не ей бы его бояться, а наоборот.

Первым делом Кролик толкнулся в дверь. Но не тут-то было: дверь открывалась внутрь, а внутри была Алиса, которая упиралась в дверь локтем. Кролик озадаченно хмыкнул:

- Придётся лезть в окно.
- Попробуй, – усмехнулась Алиса.

Она прикинула, когда Кролик окажется под окном, стремительно высунула руку и попыталась сцапать его. Она промахнулась, но услышала писк и звон разбитого стекла. Похоже, что Кролик шмякнулся в какой-нибудь парник с огурцами.

И тут же раздался пронзительный визг:

- Пат! Па-ат! Да где же ты, в конце концов?

А какой-то другой, незнакомый голос ответил спокойно:

- Тута я! Вот с яблочками копаюсь, хозяин!
- Чего же ты копаешься, когда меня скорей вытаскивать надо! – разозлился Кролик. Снова зазвенело стекло.

- Глянь-ка, Пат, что это из окна торчит?

- Я так полагаю, хозяин, что ладошка. С пальчиками.

Последнее слово он произнёс так невнятно, что получилось – «с палочками».

- Какие палочки, дурень, это с бревно величиной! Всё окно разворотило!
- Спорить не стану, хозяин, а только это с пальчиками.
- Хватит пререкайся. Пойди и выволоки это оттуда прочь!

В ответ – молчание и возня. Потом до Алисы донесся шёпот:

- Не нравится мне всё это, хозяин, вот что я скажу.
- Жалкий трус! Делай что велят!

Алиса пошарила рукой в воздухе. Тут уж взвизгнули оба, а стекла так и посыпались.

«Ого! Сколько же там у них парников? – подумала Алиса. – Хотела бы я знать, что у них на уме. «Выволоки её прочь!» Я бы и сама не прочь отсюда выбраться. Помогли бы».

Она подождала немного, но всё было тихо. Потом заскрипели, завизжали колеса то ли тачки, то ли тележки. И сразу же заверещало, запищало, затрещало множество голосов.

- Тащи другую лестницу!
- Мне велено эту нести. А другую Билл волочит.
- Волоки её сюда, парень!
- Да не сюда! К этому углу!
- Коротка. Связать обе надо, не то до окна не дотянется.
- Хорошо и так будет.
- Эй, Билл, хватай верёвку!
- Крыша-то выдержит?
- Гляди! Черепица сейчас отломится!
- Так и есть – падает!
- Побереги-ись!
- Хрясть! Что-то грохнулось.
- Эй, кто там швыряется?
- Небось Билл!
- А кто в трубу полезет?
- Только не я! Сам лезь, если нравится.
- Ага! Разбежался!
- Билл полезет!
- Слышал, Билл, что хозяин сказал? Полежай!

«Ох этот Билл, – подумала Алиса, – ну и достаётся ему, бедняжке. Не хотела бы я быть на его месте. Ему не позавидуешь. У меня тоже положение незавидное, но я-то хоть лягнуть его могу».

Она протолкнула, насколько сумела, ногу внутрь камина и замерла, покуда не услышала, как кто-то маленький карабкается и корябается в каминной трубе. Но какой он из себя, этот кто-то, догадаться было трудно.

«Вот и Билл!» – подумала Алиса, шваркнула изо всех сил ногой в камине и стала ждать, что из этого выйдет.

- Такая вышла суматоха! Раздались крики.
- Гляньте! Билл летит!
- И вслед за этим голос Кролика:
- Эй, там, у забора! Ловите его!
- Потом тишина, и новый взрыв голосов.
- Приподними ему голову.
 - Дайте ему глоток.
 - Осторожней, он захлебнётся.
 - Как себя чувствуешь, дружище?
 - С чего это ты так взвился?
 - Что случилось-то?

Потом до Алисы донесся слабенький тонкий голосок.

«Билл!» – сообразила она.

– Будто я знаю, – пищал Билл. – Так меня хватили! Не-ет, с меня хватит. Немного как будто полегчало. А всё равно не по себе... Я и охнуть не успел, как оно ахнуло меня. Я и полетел вверх тормашками. Вылетел, можно сказать, в трубу.

– Это уж точно – в трубу, – поддакнули ему.

– Нужно поджечь дом, – сказал Кролик.

И тогда Алиса закричала что есть мочи:

– Посмейте только! Я на вас Дину напущу!

Мгновенно наступила мёртвая тишина.

«Хотела бы я знать, что они ещё придумают, – размышляла Алиса. – Будь у них хоть капля ума, они сообразили бы снять крышу».

Через минуту-другую там, снаружи, зашевелились, и до Алисы долетели слова Кролика:

– Одной тачки будет довольно. Для начала.

«Тачки чего?» – беспокоилась Алиса.

Не успела она поразмыслить на этот счёт, как была осыпана градом мелких камешков. Некоторые даже угодили ей в лицо.

«Пора с этим покончить», – подумала Алиса и как закричит:

– Только посмейте ещё раз – я вам задам!

За окном снова замерли.

Тут изумленная Алиса увидела, что камешки на полу превратились в круглые печенья, и ей пришла в голову счастливая мысль.

«Если я съем печенку, – подумала она, – со мной что-нибудь непременно случится. Расти вперед уже некуда. Остаётся расти обратно».

Она проглотила целиком одно печенье и с облегчением почувствовала, что стремительно уменьшается. Наконец она стала маленькой-маленькой и тут же выбежала из дому. И сразу наткнулась на целую толпу птиц и зверюшек. В самой середине её лежала маленькая ящерка – это и был Билл. Две морские свинки, приподняв несчастному голову, старательно пихали ему в рот горлышко бутылки.

Как только Алиса показалась на пороге, вся толпа устремилась за ней. Она бросилась бежать со всех ног и вскоре очутилась в густом лесу.

«Первым делом надо бы дорасти до своего нормального роста, – раздумывала Алиса на ходу. – А вторым делом надо найти тропинку к тому прелестному садику. Мне кажется, что лучшего и не придумаешь».

Придумала она действительно здорово. Оставалась самая малость – придумать, как всё это осуществить. Алиса опасливо всматривалась в лесной мрак, и вдруг прямо над ней кто-то как гавкнет! Она вздрогнула и глянула вверх. Громадный щенок уставился на неё большими круглыми глазами и нерешительно протягивал лапу, пытаясь её потрогать.

– Бедня-ажка! Малы-ышка! – подлизываясь, протянула Алиса и попыталась посвистеть ему. Но дрожащие губы ей не повиновались, потому что она думала о том, как бы этот громадный малыш, этот ужасный бедняжка не слопал её, крошку, с голоду.

Мало чего соображая от страха, Алиса нашарила на земле какую-то веточку и протянула щенку. Тот с радостным визгом подпрыгнул, схватил ветку и стал её яростно тереть. Алиса, не мешкая, нырнула в самую гущу чертополоха, чтобы щенок ненароком не раздавил её. Но только она выбралась из колючек обратно, как щенок снова накинулся на бедную ветку, не рассчитав прыжка и кувырком полетел прямо на неё.

«Да, – подумала Алиса, – это всё равно что танцевать со слоном: того и гляди раздавит».

И она снова забилась под куст. А щенок продолжал нападать на ветку. Он пятился, нацеливался и делал гигантский прыжок, промахивался и снова пятился. И лаял, не умолкая. Алиса улучила момент, когда щенок, обессиленный борьбой с веткой, сел передохнуть, тяжело дыша открытой пастью и зажмурив громадные глаза, и... улепетнула.

Пока не стих лай щенка, она неслась без оглядки. И только тогда остановилась в тени развесистого цветка лютика, чтобы перевести дух.

– А щенок-то был просто прелесть! – сказала Алиса, обмахиваясь желтым лепестком лютика. – Я могла бы обучить его всяким штукам, будь он другого роста... Ой, глупая! Я совсем забыла, что и мне нужен вовсе другой рост! Ну как же, как же мне вырасти? Постойте... Ну конечно, нужно что-нибудь съесть или выпить. Но попробуй догадайся – что!

В рассуждении, что бы такое съесть, Алиса стала присматриваться к цветам и травинкам. Но всё это было не то. А ей требовалось именно ТО питье или ТА еда. Тут её взгляд упёрся в большой гриб, чуть ли не с неё ростом. Она обошла его вокруг, заглянула под шляпку, ничего особенного не увидела и приподнялась на цыпочки: вдруг сверху что-нибудь обнаружится? И обнаружила Бабочкину Куколку!

Толстая и важная Куколка, укутанная шалью до глаз, невозмутимо попыхивала длинной фарфоровой трубкой.

Глава пятая

Бабочкина Куколка

Куколка и Алиса молча глазели друг на друга. Наконец Куколка оторвалась от своей трубки и вялым, сонным голосом пробубнила, будто и не к Алисе обращаясь: «Кто это?»

Такое начало разговора мало было похоже на начало. Алиса растерялась:

– Это, уважаемая, не это, а я. То есть это не совсем та я. Поначалу я была не это. Но я столько раз становилась то тем, то этим, что совершенно в этом запуталась.

– Не путай меня, – рассердилась Бабочкина Куколка, – это уже ни в какие ворота не лезет.

– Это как раз пролезет, – возразила Алиса. – А вот то это, что раньше было мной, никак не пролезало даже в крохотную дверцу. Не говоря уж о воротах, ясное дело.

– Ни ясности, ни дела не вижу. Ни того, ни этого, – возразила Бабочкина Куколка.

– Вам неясно, потому что ЭТОГО с вами ещё не случилось, – попыталась объяснить Алиса.

– Случалось! – отрезала Куколка.

– Правильно, то вы были гусеницей, а то станете бабочкой.

– ТО – это не то, что ЭТО, – решительно сказала Куколка.

– Хорошо, – поспешила согласиться Алиса. – Зато со мной было как раз ТО. То я больше, то меньше. А это...

– Кто – это? – перебила её Бабочкина Куколка.

Вот и вернулись к началу. Только это начало разговора было больше похоже на конец его. Алиса уже не сдержалась и сердито сказала:

– В конце концов, вам бы тоже неплохо было бы представиться.

– Как ты себе это представляешь? – пробурчала Куколка.

Этот вопрос совершенно сбил Алису с толку. Что толку разговаривать в таком духе? Куколка, наверное, просто не в духе. Алиса повернулась, собираясь уходить.

– Вернись! – окликнула её Куколка. – Я ещё не сказала самого главного.

Как тут уйдешь? И Алиса вернулась.

– Главное – не забывать главного, – бормотнула Куколка.

– И это всё? – спросила Алиса, еле сдерживаясь, чтобы не наругать.

– Но это не самое главное, – обронила Куколка.

Делать Алисе было нечего. Да она и не знала, что делать.

И, делать нечего, решила подождать: вдруг услышит что-нибудь дельное? А Бабочкина Куколка молчала себе, посасывая длинную фарфоровую трубку. Лишь минут через пять она проямлила:

– Тебе чего-нибудь не хватает?

– Да, – грустно сказала Алиса, – мне не хватает роста. Я уж и не помню, какой была раньше.

- Но хоть что-нибудь ты помнишь?
- Боюсь, что нет. Даже «В лесу родилась ёлочка...» перепутала. – И Алиса тяжело вздохнула.
- Попробуй прочитать «Скажи-ка, дядя...», – посоветовала Куколка.
- Алиса послушно начала:

Дядю старого на вилле
Навестил племянник Вилли,
И, на дядю строго глядя,
Он спросил: – Скажи-ка, дядя,
Ведь недаром для чего-то
Вот уже недели две
Ты стоишь на голове?

– Даром, даром! Ни гроша
Головой не заработал
В жизни я, моя душа!
Но племянник, строго глядя,
Продолжал: – Скажи-ка, дядя,
Ведь недаром говорили,
Что гусей двенадцать дюжин
Поедаешь ты на ужин?

– Даром, что ли, милый Вилли,
Я уже полсотни лет
Ничего не ем в обед?

А мальчишка, косо глядя,
Пропищал: – Скажи-ка, дядя,
Ведь недаром, без сомненья,
Говорят, что ты легко
Влез в игольное ушко?

– Дар такой мне дан с рожденья,
Но теперь я стал не тот —
Мне мешает мой живот.

Но паршивец, прямо глядя,
Вопрошал: – Скажи-ка, дядя,
Ведь недаром стал ты старым,
Почему же ты пока
Не дорос до потолка?

– Дам тебе, юнец, задаром
Я такого тумака —
Прыгнешь сам до потолка!

– Это не то, – сказала Куколка.

– Кажется, вы правы, – робко согласилась Алиса. – Некоторые слова изменились, то есть превратились.

– Некоторые! – возмутилась Бабочкина Куколка. – Все от начала до конца!

И она снова надолго замолчала.

– И насколько ты хочешь измениться? – спросила она наконец.

– О, на сколько будет вам угодно, – поспешно сказала Алиса, – лишь бы уж раз и навсегда. Так неприятно беспрерывно становиться то тем, то этим. Не правда ли?

– Да, неправда, – недовольно сказала Куколка.

Алиса молчала – никогда в жизни ей не встречалась такая противная спорщица. Так и терпение кончиться может.

– Ростом своим ты довольна? – спросила Куколка.

– Видите ли, – осторожно сказала Алиса, – всё было бы ничего, если бы удалось подрасти хоть чуть-чуть. Сейчас я, просто смешно сказать, кукольного роста.

– Ничего смешного не вижу. Это самый лучший рост! – рассердилась Куколка.

– Не сердитесь. Но мне это очень неудобно, – произнесла Алиса извиняющимся тоном, а про себя подумала: «Такие они все тут обидчивые, прямо беда!»

– Со временем приспособишься, – буркнула Бабочкина Куколка и занялась своей длинной фарфоровой трубкой.

Алиса набралась терпения и ждала, когда она соизволит заговорить снова. Через минуту-другую Куколка зевнула, трубка выпала у неё из рта. А Куколка закачалась и скатилась с гриба в траву. И уже оттуда Алиса услышала:

– С этой стороны уменьшишься, а с той – увеличишься. Грызи.

– Что? – растерялась Алиса.

– Гриб! – донесся из травы глухой голос Бабочкиной Куколки.

Алиса недоуменно глядела на совершенно круглую шляпку гриба. Как узнать, где ТА сторона, а где – ЭТА? Наконец она, будь что будет, обняла гриб и отломила от шляпки сразу два куска – справа и слева.

– Этот – ТОТ или тот – ЭТОТ? – пыталась разобраться Алиса.

Но разве тут разберёшь? И она решительно поднесла правую руку ко рту и откусила самую малость. В то же мгновение она пребольно стукнулась подбородком... о собственные туфельки. Было очень больно, но Алиса не растерялась. Скорей, скорей, пока совсем не исчезла, откусить от другого куска. Но попробуй это сделать, если подбородок приплюснут к ступням. С трудом Алиса приоткрыла стиснутый рот и протолкнула туда крошку гриба...

– Ага! Голова освободилась! – засмеялась от радости Алиса.

Но тут же замерла от удивления: когда она поглядела вниз, то не увидела СЕБЯ! Она запропастилась куда-то вся. Целиком. Осталась только шея. Длинная, как столб, шея терялась далеко внизу, в море зеленой листвы.

– Я утопаю в листьях, неужели уже осень нагрянула? – изумилась Алиса. – А куда же девались мои руки? Ручки, где вы?

Она попробовала поднять руки, но так их и не увидела. Только далеко внизу в гуще зелени что-то зашелестело. Наверное, руки. До головы они не достанут. Придётся нагнуть к ним голову. К своей радости, Алиса обнаружила, что её шея гнётся по-всякому – легко и свободно. Она красиво, дугой изогнула шею, собираясь окунуть голову в зелёную листву, которая, как она уже догадалась, росла под ней на макушках деревьев.

Но вдруг раздался злобный писк. Пёстрая Голубка налетела на неё и норовила ударить крылом по лицу.

– Змея! Змеюка! – верещала Голубка.

– Никакая я не змея! – возмутилась Алиса. – Отстаньте!

– Нет, змея, – не унималась Голубка и вдруг жалобно всхлипнула. – Чего я только не перепробовала, чтобы от них избавиться!

– Никак не возьму в толк, о чём вы? – недоумевала Алиса.

– Чего я только не находила! – продолжала Голубка, словно и не слыша Алису. – И корни деревьев, и крутые берега, и колючий терновник. А этим змеям всё нипочём!

Она совершенно заговорила Алису, не было возможности и слова вставить, пока Голубка не замолчит.

– Будто мало мне одной заботы – высиживать птенцов, – тархтела Голубка, всё больше возбуждаясь. – Так нет же, ещё и змей опасайся день и ночь! Уже третью неделю не сплю!

– Я вам вполне сочувствую, – вежливо сказала Алиса, начиная кое-что понимать.

– Стоило мне наконец найти самое высокое дерево в лесу, – Голубка уже просто охрипла от крика, – стоило мне наконец хоть чуть-чуть успокоиться, как эти подлые змеи стали падать на меня прямо с неба. У-у! Змеюка!

– Но говорю же вам – я не змея! – втолковывала ей Алиса.

– Допустим. Тогда кто же ты? – ядовито спросила Голубка. – Вижу, вижу, как ты хочешь извернуться!

– Я... ну, я маленькая девочка, – неуверенно промямлила Алиса, вдруг припомнив все свои превращения и не понимая, во что же она превратилась теперь.

– Ловко придумано! – насмешливо пискнула Голубка. – Случалось мне всяких девочек видеть, но чтобы с такой шеей? Никогда! Ты змея, и больше никто! Соври ещё, что никогда яиц не ела!

– Ела. Иногда, – сказала правдивая Алиса: врать она совсем не умела. – Но маленькие девочки тоже едят яйца. Это вовсе не значит, что они змеи.

– Рассказывай! – засомневалась Голубка. – Впрочем, если девочки и впрямь едят яйца, то они тоже змеи. Только на свой лад.

Это была такая неожиданная мысль, что Алиса на мгновение онемела, чем дала Голубке повод для нового нападения:

– Мне ясно одно – ты ищешь яйца. А девочка ты или змея, мне всё равно.

– Зато мне не всё равно! – воскликнула Алиса. – И никаких яиц я не ищу. А ваших и подавно – я не люблю сырых яиц!

– Ну и прекрасно! И ползи отсюда! – угрюмо пропищала Голубка и вернулась в своё гнездо.

Алиса согнулась, пытаясь протиснуться между густыми ветвями деревьев, беспрестанно запутываясь в них шеей. Без конца приходилось замирать и выпрастывать шею из цепких зарослей. Тут она вспомнила, что всё ещё держит в руках кусочки того гриба. Дотянувшись до своих рук, она опасливо откусила от одного кусочка, потом от другого. Так, то вырастая, то уменьшаясь, она наконец снова стала сама собой.

В первое мгновение она сама себя и не узнала – так часто ей в последнее время приходилось изменяться. Но через несколько минут она уже вполне свободно беседовала сама с собой:

– Ну, полдела сделано. Голова кругом идёт от всех этих превращений туда-сюда. То ты такая, то эдакая. А всё же мне удалось стать прежней Алисой. Остаётся отправиться в тот прелестный садик. Только хотела бы я знать: как туда добраться?

Так рассуждая, она неожиданно вышла на поляну, где стоял маленький домик, ниже её ростом.

«Кто бы там ни жил, – подумала Алиса, – но для них я слишком рослая. Распугаю их, чего доброго».

Она снова принялась есть гриб и добилась того, что стала не больше собственной ноги.

Глава шестая Перчёный поросёнок

В то время как она разглядывала домик и размышляла, войти ли в него, из чащи выскочило странное существо в лакейской ливрее. Глаза круглые. Рот выпяченный, как у рыбы. Существо и впрямь напоминало что-то речное. Этот Речной Лакей стал громко колотить в дверь. Она распахнулась, и на пороге появился другой лакей. Он был точь-в-точь как первый. Только наоборот. Глаза выпучены. Рот круглый. И напоминал что-то болотное, лягушачье. У обоих лакеев на голове были мудрёные пудренные парики.

Алису страшно заинтересовали эти существа, и она спряталась за куст, чтобы не спугнуть их.

Речной Лакей вытащил из-за пазухи конвертище чуть ли не с него величиной и торжественно вручил его Болотному Лакею:

– Для Герцогини. От Королевы. Приглашение на крокет.

Болотный Лакей так же торжественно принял конверт и громко повторил слово в слово. Только слова он переставил наоборот:

– Крокет на приглашение. Королевы от. Герцогини для!

И они поклонились друг другу, чуть не стукнувшись лбами.

Алиса прыснула. Боясь расхохотаться, она поскорей отбежала в лес подальше. Когда она вернулась, Речного Лакея уже не было, а Болотный сидел на земле у двери, уставившись в небо своими выпученными глазами.

Алиса осторожно приблизилась к двери и постучала.

– Стучать нет никакого резона, – равнодушно сказал Болотный Лакей. – Первый резон тот, что я уже здесь, снаружи. А вот тебе и второй резон: они там так шумят, что никто тебя не услышит.

И верно – шум был ужасающий. Внутри без передышки выли, чихали, ахали, охали, а в промежутках раздавался звон и грохот, будто там швырялись посудой.

– Извините, – обратилась к Болотному Лакею Алиса, – но как же я могу войти без стука?

– В твоём стуке был бы резон, – рассуждал Болотный Лакей, – если бы дверь была между нами. Ты, к примеру, там, внутри. И стучишь. И я тебя выпускаю наружу. Или наоборот.

При этом он так ни разу и не взглянул на неё. Как уставился в небо, так и не опускал глаз. Алиса была уверена, что так ведут себя только невежи.

«Но, может быть, он не нарочно? Просто глаза у него растут на самой макушке, – подумала Алиса. – Но отвечать-то он мог бы повежливее».

– Но всё-таки как мне войти? – спросила она погромче.

– Я могу до завтра здесь проси... – начал Болотный Лакей.

В это мгновение дверь распахнулась, из неё вылетело большое блюдо. Каким-то чудом оно не попало в Болотного Лакея, а пронеслось над самой его головой, чиркнув по парикю и подняв облако пудры. Он не шелохнулся, а блюдо ударилось позади него в дерево и разлетелось вдребезги.

– ...деть или до послезавтра, – закончил он как ни в чем не бывало.

– Как! Мне! Войти! В дом! – раздельно произнесла Алиса.

– А с чего бы тебе туда входить? – спросил Болотный Лакей. – Вот, выходит, с чего надо начинать-то. Понятно?

Понятно-то понятно, но Алисе совсем не понравился такой разговор, который никуда не вёл.

«Какие они путаники, эти существа, – подумала Алиса, – прямо сил нет».

А Болотный Лакей, вероятно, решил, что самое время продолжить свою любимую тему.

– А я, значит, буду сидеть тут сиднем, – завёл он, – сидеть-посиживать. Сидя.

– А мне-то что делать? – вышла из себя Алиса.

– А это уж твоё дело, – заявил Болотный Лакей и принялся насвистывать.

«Чего я с ним тут разговариваю? – подумала Алиса. – Он же круглый дурак!»

Она без стука открыла дверь и вошла.

И сразу попала в огромную кухню. Там клубами висел дым, хоть топор вешай. Посредине на трёхногой табуретке восседала Герцогиня. На коленях она покачивала младенчика. У плиты стряпала Стряпуха. В громадном котле кипел, булькал и фыркал суп.

В ноздри Алисе ударил едкий запах перца, и она тут же стала чихать без остановки.

«А суп-то пере... – апчхи! – ...перчён», – подумала она.

Но переперчён был не только суп, а, наверное, вся кухня, потому что чихали и Герцогиня, и ревущий малютка. Только Стряпуха не чихала. Да ещё большущий кот с круглой, величиной с головку сыра головой. Он сидел на печи и улыбался во весь свой зубастый рот, будто из головки сыра вырезали широкий ломоть.

На Алису никто не обратил внимания. Она помялась немного, подождала, но никто с ней так и не заговорил. И Алиса решила начать сама, сказать что-нибудь приятное.

– Извините... А почему ваш кот улыбается? – вежливо спросила она.

– Это Чеширский кот, поэтому он и улы... – начала Герцогиня и вдруг взвизгнула: – Поросёнок!

Алиса чуть не подпрыгнула от этого яростного вопля. Но тут же сообразила, что относится он не к ней, а к младенчику. Она набралась храбрости и задала ещё один вопрос:

– Разве? А я и не знала, что чесырские... чеширские коты умеют улыбаться. Я и про других-то такого не слыхала.

– Все они такие, – проворчала Герцогиня, – им бы только улыбаться.

– Что вы говорите? Мне это было неизвестно, – сказала Алиса совсем по-взрослому. Ей даже самой понравилось, как это она здорово ведёт беседу.

– Неудивительно, – сказала Герцогиня, – тебе ещё о-очень многое неизвестно.

Кому такое понравится? И Алиса решила переменить тему разговора. Пока она придумывала подходящий вопрос, Стряпуха сняла с огня котёл и, ни слова не говоря, вдруг принялась швырять в Герцогиню и её младенчика всё, что попадётся под руку. А под руку ей попадались то совок, то кочерга, то щипцы для угля. Она перекидала все железные вещи и принялась за стеклянные – тарелки, чашки, блюда. Кое-что попадало в Герцогиню, но та и виду не подавала. По виду младенчика тоже было непонятно, попадает ли в него что-нибудь: он и так не умолкал ни на минуту с самого начала.

– Эй-эй! Поберегись! – крикнула Алиса. – Носик побереги!

Она обмерла, следя за сковородкой, которая чуть не расквасила младенцу носик.

– Если бы кто-нибудь поберег свои советы, – буркнула Герцогиня, – Земле легче было бы вертеться.

– И она б завертелась быстрее? – догадалась Алиса и тут же решила блеснуть своими знаниями. – Тогда бы началась такая чехарда! День-ночь-день-ночь-день-ночь. Земле надо было бы вертеться как сумасшедшей, чтобы за один оборот...

– Кто обормот? – вскричала Герцогиня. – Да за такие слова тебе здесь голову обормут, то есть оборвут, то есть оторвут!

Алиса с опаской взглянула на Стряпуху, но та как ни в чём не бывало помешивала суп.

– За один оборот, то есть за двадцать четыре часа, – закончила Алиса, а немного подумав, добавила: – Или за двенадцать... или один круг за...

– Ах, перестань! У меня голова кругом идёт от этих подсчётов, – прервала её Герцогиня. И она принялась встряхивать младенчика, напевая такое:

Спи, моя гадость, усни,
Столько с тобою возни —

Перцу от сердца задай,
Каши берёзовой дай.
Бай-бай-бай.

Стряпуха и младенец подхватили припев на свой лад:
– Ай-ай-ай!

Дойдя до второго куплета, Герцогиня стала подергивать, потряхивать, подбрасывать младенчика. И тот верещал так, что Алиса с трудом разбирала слова Герцогининой колыбельной:

Следует деток любить —
Как следует следует бить.
Утром им баню задам,
Вечером жару поддам.
Бай-бай-бам!!!

– Лови! – крикнула вдруг Герцогиня и запустила в Алису младенчиком. – Попробуй его успокоить, если сможешь. А мне пора собираться на крокет к Королеве.

И она пулей вылетела из кухни. Но Стряпуха всё же успела пухнуть в неё сковородкой. Правда, не попала.

Алиса еле удерживала младенчика. Отовсюду у него торчали ноги и руки. Будто это был не младенец, а морская звезда. А младенец пронзительно визжал, как паровозный свисток, и упрямылся в руках у Алисы, выгибаясь дугой. Но она ловко скрутила его, схватив за правое ухо и левую то ли руку, то ли ногу, в общем, торчалку. Завязанного узлом младенчика Алиса с трудом выволокла на улицу.

Надо унести младенчика подальше, решила Алиса, пока они его не добились. И она добавила, уже вслух:

– Пока он ещё живой.

В подтверждение этого младенец весело хрюкнул.

– Не смей хрюкать! – рассердилась Алиса. – Учись говорить по-человечески!

Но младенец в ответ снова хрюкнул. Алиса тревожно взглядела в его личико. Какое-то оно странное! Носик приплюснут, будто пяточек, а глазки крохотные – буравчики. Не очень симпатичная мордочка у этого младенчика.

«Может быть, он просто гукнул, а не хрюкнул?» – подумала Алиса.

А младенец снова хрюкнул. Или гукнул? Алиса внимательно поглядела на него и сказала:

– В конце концов, это свинство с твоей стороны. С тобой по-человечески, а ты...

А младенец опять. Хрюкнул? Гукнул? Ну, как с ним говорить? И Алиса молча пошла дальше. Она уже представляла себе, как принесет младенчика домой, как...

И тут он опять хрюкнул! Да ещё во весь голос! И завизжал по-поросёчьи. Алиса так и ахнула – у неё в руках был действительно поросёнок! Алиса представила, какой у неё глупый вид с поросёнком на руках. И опустила его на землю. Поросёнок, быстро перебирая ножками, исчез в лесу.

«Такому младенчику только поросёночком и становиться», – подумала Алиса.

И она стала вспоминать детей, которые легко могли бы превратиться в настоящих поросят.

«Интересно, – подумала она. – Как их превращают в поросят?»

И тут она застыла. Прямо перед ней на дереве сидел Кот! Кажется, тот самый, Чеширский. Или Чесырский?

Кот приветливо улыбнулся. Но его зубастая улыбка не казалась очень уж добродушной и почему-то напоминала об острых когтях.

– Сырик-Чесырик! Сырный котик! – заискивающе пропела Алиса, надеясь, что этот Котище-когтище не рассердится на неё.

Кот просто расплылся в улыбке.

«Ага, – обрадовалась Алиса, – угодила!»

И она решилась спросить его:

– Будьте любезны, в каком направлении мне идти?

– В известном тебе, – ответил Кот.

– Оно мне неизвестно.

– Значит, в неизвестном. Во всяком случае, известно, что в известное время ты окажешься та-ам или ту-ут, – мурлыкнул Кот.

Алиса окончательно запуталась и начала снова:

– А не известно ли вам, кто там или тут живёт?

– Там, – и Кот помахал лапой вправо, – живёт Котелок. Это шляпа такая. Но и под шляпой у него котелок. Варит, но не совсем. А тут, – и он ткнул лапой влево, – живёт Безумный, точнее, Полоумный, Заяц. Полностью безумный он только в марте, а в остальное время – наполовину, Полоумный. Котелок – тот постоянно сдвинутый, мозги у него набекрень. Выбирай, кто тебе интереснее.

– Зачем мне всякие безумные, полоумные да сдвинутые? – возмутилась Алиса. – Что я, ненормальная?

– Конечно! – воскликнул Кот. – Как и мы все. Иначе ты сюда бы не попала!

– А вы тоже?... – осторожно спросила Алиса.

– Ещё бы! – радостно мяукнул Кот. – И доказывается это очень просто. Представь себе нормальную собаку. Представила?

– Да, – ответила Алиса.

– Нормальная собака, – продолжал Кот, – радостно крутит хвостом и сердито ворчит. А я наоборот – сердито машу хвостом и радостно ворчу. Если собака нормальная, то я наверняка ненормальный!

– Вы не ворчите, а мурлычете, – сказала Алиса.

– Это не прибавляет мне нормальности, – заметил Кот. – Кстати, ты будешь сегодня у Королевы?

– Я бы пошла, но кто меня пустит без приглашения? – вздохнула Алиса.

– Не пустят? Пустяки! – сказал Кот. – Значит, там увидимся!

И он мгновенно растворился в воздухе.

Алиса так наудивлялась уже за этот день, что исчезновение Кота и его странные речи ни капельки её не поразили. А Кот вдруг снова появился или, скорее, проявился на своей ветке.

– Да, совсем забыл, – сказал он. – Что стало с младенчиком?

– Он стал свинкой, – сообщила Алиса.

– Это на него похоже, – буркнул Кот и тут же исчез.

Алиса из вежливости подождала ещё немного, но Кот больше не появлялся. Она подумала-подумала и отправилась к Полоумному Зайцу.

«Всекие котелки, чепчики и шляпки для меня не новость. Лучше уж на Полоумного Зайца погляжу. Тем более что совсем безумный он только в марте. А сейчас май. Значит, он всего-навсего полоумный» – так рассуждала Алиса, выбирая дорогу. Но тут снова над ней на дереве возник Кот.

– Ты, кажется, сказала: стал спинкой? – спросил он. – Объясни – чьей?

– Свинкой, а не спинкой, – объяснила Алиса. – И, пожалуйста, не исчезайте так внезапно, а то у меня в глазах уже рябит.

– Это можно, – сказал Кот и стал исчезать постепенно: от кончика хвоста до головы. Но голова исчезла не совсем – от неё осталась улыбка. Эта странная кошачья улыбка долго ещё дрожала в воздухе опрокинутым полумесяцем.

– Ух ты! – восхитилась Алиса. – Кот без улыбки – это ещё понятно, но улыбка без Кота – просто чудо из чудес!

Пройдя немного, она увидела домик, крытый заячьим мехом, а над этой меховой крышей торчали печными трубами заячьи уши. Алиса сразу догадалась, что здесь живёт Заяц.

Дом этот, в отличие от дома Герцогини, был намного больше Алисы, и ей пришлось даже съесть чуточку гриба, чтобы увеличиться. Вместе с ростом увеличились и её опасения.

«Всё-таки Заяц полоумный! – засомневалась она. – Не лучше ли было отправиться к Котелку?»

Глава седьмая

Необычайное чаепитие

В тени дерева у дома стоял стол. За ним сидели рядышком и пили чай Котелок и Полоумный Заяц. Между ними втиснулась пушистенькая Ночная Соня. Она, конечно же, спала. Котелок и Заяц облокотились на нее, словно на подушку, и преспокойно беседовали.

«Лучше бы ей самой спать на подушке, чем быть подушкой», – подумала Алиса.

Но Соня так сладко спала, будто ей нравилось быть подушкой.

Стол был длинный-предлинный, а все сгрудились на самом кончике. Но, увидев Алису, тут же загладели:

– Чур, всё занято! Чур, мест нет!

– Места сколько угодно, – сказала Алиса и плюхнулась в громадное кресло напротив них.

– Какого вина желаете? – галантно осведомился Заяц.

Алиса оглядела стол, но ничего, кроме чая да чайных чашек, не увидела.

– Какого вина? – удивилась Алиса.

– А никакого! – равнодушно ответил Заяц.

– Невежливо предлагать то, чего нет, – надулась Алиса.

– Невежливо садиться за стол, когда места нет! – хмыкнул Заяц.

– Но вас только трое, а стол ого какой длинный! – ответила Алиса.

– Волосы у тебя ого какие длинные, – вдруг ляпнул Котелок. Он уж давно с интересом разглядывал Алису.

– Не грубите, пожалуйста! – отрезала Алиса.

Котелок озадаченно умолк, но тут же озадачил Алису:

– Отгадай, чем ворона похожа на парту?

«Загадка? Вот здорово! – повеселела Алиса. – Позабавляемся!» А вслух сказала:

– Постойте, постойте, сейчас... отгадаю...

– Ты думаешь, что отгадаешь? – спросил Заяц.

– А как же! – сказала Алиса.

– Тогда и говори, что думаешь, – хмыкнул Заяц.

– Я думаю... что я думаю, если подумать, то это то, что я думаю... или не то? – И Алиса запнулась.

– Совсем не то, – сказал Котелок, – ты должна думать, о чем думаешь. Ещё, чего доброго, ты подумаешь, будто «я вижу, что ем» и «что вижу, то и ем» – это одно и то же!

– Она, наверное, думает, – подхватил Заяц, – будто «мне нравится всё, что моё» и «всё, что мне нравится, моё» – это тоже одно и то же.

Тут и Ночная Соня брякнула со сна:

– Она думает, будто «я дышу, когда сплю» и «я сплю, когда дышу» – тоже то же.

– Она думает, будто и то, и то тоже одно и то же, – подытожил Котелок, и все они замолчали.

Они молчали чуть ли не минуту. Алиса тем временем старалась вспомнить хоть что-нибудь про ворон и парты. Первым нарушил молчание Котелок.

– Ну-ка, какое сегодня число? – спросил он, потряхивая и прикладывая к уху свои карманные часы.

Алиса немного подумала и ответила:

– Четвёртое.

– Убежали вперёд на два дня, – проворчал Котелок. – Говорил я тебе, что сливочное масло часам вредно. – И Котелок сердито глянул на Заяца.

– Да масло-то было первый сорт! – испуганно пискнул Заяц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.